

та” Верди, “Севильский цирюльник” Россини и др.

Есть в библиотеке биографические очерки, статьи и исследования, посвященные композиторам, свидетельствующие свидетельствуют о том, что Макаренко проявлял углубленный интерес к их жизни и творчеству. Например: “Борис Годунов”. Статьи и исследования”, “Избранные статьи” Р. Вагнера, “Николай Андреевич Римский-Корсаков. Очерк его музыкальной деятельности”, “Михаил Иванович Глинка. Очерк его жизни и деятельности” Н. Финдейзена, “Моцарт. Краткий очерк жизни и творчества” Ю. Кремлева и др.

В письмах Макаренко встречаются имена, кроме тех, что уже назывались, многих других писателей. Русских – Бабель, Белых, Бунин, Гайдар, Гладков, Жуковский, Ляшко, А.Н. Островский, Тренёв, Серафимович, Соболев, Ставский, Сухово-Кобылин, Фадеев, Финк; нерусских – Бичер Стоу, Брандес, Жюль Верн, Данте, Руставели, Стендаль, Тагор.

Рассмотренный материал дает представление о богатстве духовного мира Макаренко, о высоком уровне его образованности и культуры. В первом поколении советских писателей трудно сравнить с ним кого-либо, в этом отношении недосыгаемым образцом для всех был только М. Горький.

Второй вывод состоит в том, что почву

новаторской педагогической теории писателя-педагога составлял синтез его разносторонних знаний в области истории, философии, психологии, педагогики и художественной литературы, которую М. Горький называл “человековедением” – наукой о человеке. Ошибаются те, кто считает Макаренко практиком, пришедшим в педагогику как удачливый руководитель колонии беспризорных детей. За его плечами был не только опыт педагога-практика, но и огромная работа по теоретическому осмыслению весьма обширного общекультурного наследия. Именно благодаря этому его педагогическая теория знаменовала собой новый этап в развитии педагогической мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаренко Виталий. Мой брат Антон Семенович / В. Макаренко. – Марбург, 1985. – 202 с.
2. Макаренко А. С. Заявление в Центральный институт организаторов народного просвещения // Педагогические соч. в 8 т. / А.С. Макаренко. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1983. – С. 8–11.
3. ЦГА России, ф. 7954, оп. 2, ед. хр. 266.
4. Фролов А. А. С. Макаренко в СССР, России и мире. 1939 – 2005 гг. / А. Фролов. – Нижний Новгород, 2006. – 416 с.

УДК 821.161.1-1

А.Г. Козлова

БИБЛЕЙСКИЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА ГОРОДНИЦКОГО

А.Г. Козлова

БІБЛІЙНІ ОБРАЗИ ТА МОТИВИ У ПОЕЗІЇ ОЛЕКСАНДРА ГОРОДНИЦЬКОГО

У статті аналізуються форми репрезентації біблійних образів та мотивів у творчості відомого російського поета, барда Олександра Городницького. Зазначається, що поет активно звертається до християнського дискурсу, використовує різні біблійні образи та конфесійну лексику. Розвиток творчості йде від використання окремих біблійних образів до розгортання мотивів. Окремо розглядається мотив “ісходу”.

Ключові слова: образ, мотив, мотивний аналіз, християнський дискурс.

А.Г. Козлова

БИБЛЕЙСКИЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА ГОРОДНИЦКОГО

В статье анализируются формы репрезентации библейских образов и мотивов в творчестве известного российского поэта, барда Александра Городницького. Отмечается, что поэт активно обращается к христианскому дискурсу, использует разные библейские образы и конфессиональную лексику. Развитие творчества идет от использования отдельных библейских образов до развертывания мотивов. Отдельно рассматривается мотив исхода.

Ключевые слова: образ, мотив, мотивный анализ, христианский дискурс.

A.G. Kozlova

BIBLE IMAGES AND MOTIVES IN ALEXANDER GORODNITSKY'S POETRY

Different forms of bible image and motive representation in famous Russian singer poet Alexander Gorodnitsky works are analyzed. It is discovered that the poet often uses Christian discourse and bible images

in addition to confessional lexis. His creative work expands from single bible images to motives. Special attention is given to the motive of Exodus.

Key words: image, motive, motive analysis, Christian discourse.

Мотивно-образная структура художественного текста уже давно стала предметом внимания филологической науки. Термин “мотив” на рубеже XIX–XX веков ввел академик А.Н. Веселовский в работе “Поэтика сюжетов”: “Под *мотивом* я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения. При сходстве или единстве *бытовых* и *психологических условий* на первых стадиях человеческого развития такие мотивы могли создаваться самостоятельно и вместе с тем представлять сходные черты” [1, с. 302], “Признак мотива – его образный одночленный схематизм...” [1, с. 301]. Таким образом, мотив осмысливается как элементарная неразложимая часть сюжета, а сюжет при таком подходе рассматривается как комбинация мотивов.

В то же время важно помнить, что формой отражения жизни в литературе и искусстве является образ. Поэтому изучение мотивной структуры произведения невозможно без обращения к анализу его образного строя.

Мотивный анализ как разновидность структуралистского анализа литературного произведения был предложен Б.М. Гаспаровым в конце 70-х годов XX столетия. В последующие десятилетия, вплоть до настоящего времени, к исследованию функционирования тех или иных мотивов в творчестве отдельных писателей и мотивной структуры отдельных произведений активно обращаются литературоведы. Так, С.В. Бабкин исследует мотивы и образы власти в художественных и публицистических текстах 1920-х годов, Л.А. Ходанен “новгородские” мотивы и образы в лирике А.И. Одоевского и М.Ю. Лермонтова, Т.В. Садова астральные мотивы и образы в романе А. Иванова “Географ глобус пропил”, Т.Ю. Малкова демонические образы и мотивы в романе М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”, И.А. Морозов фольклорные мотивы и образы в творчестве В. Высоцкого, Ю.Б. Бакулина героические мотивы и образы в “античной” лирике Н.С. Гумилева, С.И. Пискунова мотивы и образы летних праздников в “Дон Кихоте” Сервантеса, Г.А. Токарева макабрические образы и мотивы в поэзии Блейка, И.А. Короткова солярные образы и мотивы в сказке П.П. Ершова “Конек-горбунок”, О. Подольская ключевые образы и мотивы в “Трех сестрах” А.П. Чехова, А.Ю. Полторацкая мотивы и образы водной стихии в поэзии Н. Рубцова и И. Бродского, Е. Бартенева проблему трансформации мифологических мотивов, сюжетов и образов в произведениях Дж. Р. Р. Толкиена, Г.А. Шор мотивы, образы и интерпретации “Фауста” И.-В. Ге-

те в русской литературе XX века.

Особый интерес для такого рода исследований представляет характеристика особенностей функционирования библейских мотивов и образов в пространстве художественного творчества того или иного автора, т.к. именно Библия, являясь одним из “ядерных” текстов в мировой культуре, часто выступает в роли прецедентного источника.

Д.А. Ефимова исследует функционирование библейских мотивов и образов в романе У. Голдинга “Повелитель мух”, А.В. Касьянов в сюжетостроении русского романа XX века, С.В. Бурдина в поэме А. Ахматовой “Реквием”, В.Д. Серафимова в творчестве М. Волошина, А. Платонова, Б. Пильняка, С.Н. Шубина в любовной коллизии романа И.А. Гончарова “Обломов”, Д.Ю. Шалков в творчестве В.В. Маяковского 1912–1918 годов, Т.А. Пономарева в “деревенской прозе”, Л.А. Кушнерева в школьном курсе русской литературы, И.В. Кудряшов мотивов и образов песен царя Давида в поэзии Н. Клюева, М. Гуренкова языческие корни и христианские мотивы в “Слове о полку Игореве”.

Цель данной статьи – охарактеризовать особенности функционирования библейских образов и мотивов в творчестве Александра Городницкого.

В творчестве А. Городницкого можно найти немало обращений к Библейским текстам и в целом к религиозному наследию христианства как к богатому источнику образов и мотивов. Имена библейских персонажей, конфессиональная лексика, названия христианских праздников и религиозных атрибутов регулярно используются поэтом в зрелый период творчества. В раннем творчестве А. Городницкого обращения к библейским текстам нерегулярны. Однако даже в ранних стихотворениях отмечаются неединичные случаи использования библеизмов и отдельных библейских образов. Показательно, что поэт даже в период безбожия и собственного безверия многократно обращается к христианскому дискурсу:

*Он в том клянётся всем что свято –
Крестом и верою своей,
И от багрового заката
Пылают маковки церквей.*

<...>

*Дрались калеки за монету
Перед собором Покрова.
 (“Смерть Бориса” (1956))*

[7].

*И у последнего порога
Наш командир внушает строго,
Что в небе нет ни звезд, ни Бога –*

Есть только мы!

<...>

*И ты не требуй с неба манну –
Там манны нет.*

*Бледнеют ангелы и черти,
Когда, доверенные смерти,
По небу весело мы чертим
Свой белый след.*

(“Песня американских летчиков” (1966)) [4, с. 81–82].

*Тускло светит под иконой
Желтая лампадка.*

(“Вдовы поэтов” (1967)) [4, с. 86].

*Врачуют меня врачи,
Кроят из меня Иуду.
И мне говорят: “Молчи!”,
А я говорю: “Не буду!”*

(“Антигалилей” (1967)) [4, с. 89].

В стихотворении “Режиссерская” (1966), посвященном таинству театрального искусства, ключевыми становятся такие христианские в своей основе образы, как *души, любовь, судьба*.

Среди наиболее ярких примеров использования А. Городницким библейских образов в 60-х годах следует назвать стихотворения “Перелетные ангелы” (1964) и “Памяти Анны Ахматовой” (1966).

В стихотворении “Перелетные ангелы”, имеющем посвящение *Памяти жертв сталинских репрессий*, которое Е. Сафронова относит к “народным экзовским” песням” [8], образ *перелетных ангелов*, вынесенный в заглавие, является сквозным и выполняет текстообразующую функцию. Образ этот наделяется различными, порой прямо противоположными характеристиками. Поэт использует контекстуальные синонимы и антонимы: *нежные крылья* – в первой строфе (*Их нежные крылья обжигает мороз*), *лебединым крылом* – в третьей (...*Осенит избавление лебединым крылом*) и *тяжелые крылья* – в последней (*И тяжелые крылья* (не столько ангелов, сколько уже самолетов – А.К.) *над тундрой поют*). Благодаря этому центральный образ стихотворения осмысливаясь шире, чем только обобщенный образ жертв сталинских репрессий, приобретает символический характер, становясь воплощением авторской идеи и сакрализируя ее, приподнимая невинно гонимых, страдающих и гибнущих узников ГУЛАГа над повседневностью. Воплощенный в данном произведении образ перелетных ангелов оказался столь ёмким и столь точно отражающим авторское понимание сущности трагедии, что был использован А. Городницким в качестве названия всего поэтического сборника [5].

Заслуживает внимания и образ покинутых храмов, символизирующий утрату обществом сталинской поры духовных основ: *Опускаются анге-*

*лы на крыши зданий. / И на храмах покинутых
ночуют они* [4, с. 60].

Традиционный для бардовской песни 60-х годов “мотив Ухода, мотив неприятия этого мира – или обретения первозданной Свободы, невозможной в социуме” [8], характерный и для творчества А. Городницкого, трансформируется здесь в насильственный уход от свободы в лагерную несвободу.

Особого внимания заслуживает и стихотворение “Памяти Анны Ахматовой”, созданное в год смерти поэтессы. В нем поэт обращается к христианскому дискурсу и использует образы, соответствующие собственному восприятию Ахматовой, в творчестве которой христианские мотивы, библейский интертекст играют чрезвычайно важную роль:

Ах, нескоро, нескоро

Обретешь ты уют

У Николая Морского

Тебя отпоют [4, с. 75].

В стихотворении нашли отражение реальные жизненные факты. Так, известно, что именно в Никольском морском соборе (Морском соборе Святого Николая Чудотворца и Богоявления) по просьбе Льва Николаевича Гумилева, который был глубоко верующим человеком, отпевали Ахматову.

Завершается оно словами, отсылающими к молитве об усопших:

Поет старую раной

Строка за строкой...

Рабу Божию Анну

Во святых упокой [Там же].

Но если в молитве используется выражение “со святыми упокой”, то Городницкий меняет предлог, прося Господа причислить Ахматову к лику святых: *во святых упокой*.

Среди стихотворений следующих периодов творчества встречаем такие, для которых избрана форма молитвы (“Молитва о дожде” (1970), “Молитва Аввакума” (1992), “Поминальная идишу” (2001)); названиями которых стали именованы православных монастырей (“Донской монастырь” (1970), “Новодевичий монастырь” (1970)), библейских персонажей (“Понтий Пилат” (1981)) и т.п. В стихотворениях Городницкого разных периодов достаточно часто встречаются упоминания Бога (Господа, Создателя, Всевышнего) (“Молитва о дожде” (1970), “Если иначе нельзя” (1980), “Губернаторская власть”, “Песня народа” (1981), “Песня английских крестьян” (1983), “На Маяковской площади в Москве” (1984), “Как странно Землю создал Бог...” (1988), “Вестиментиферы”, “Филармония”, “Гаданье” (1994), “У защищённых марлей окон...” (1995), “Сан-Суси” (2000), “Рахиль” (2002), “В море уйти на судне” (2003), “Не дружи с царевой стражей” (2005), “Дорога в Израиль” (2007) и мн. др.), иногда Христа (“Бахайский храм”

(1991)). Чаще всего образ этот просто обозначен и не получает развития.

Особого внимания заслуживает стихотворение “Не верю и в этом не вижу вины...” (1997), содержащее своеобразное религиозное самоопределение поэта:

*Не верю и в этом не вижу вины,
Мечетям, церквям, синагогам,
Поскольку считаю, что мне не нужны
Земные посредники с Богом... [3].*

В нем образ Бога разворачивается до трехипостасности, связывается с идеей божественного бытия и прирастает мотивом Божьей кары:

*Напрасно старается в поте лица
Епископов пёстрых ватага,
Вещая от имени Бога-отца,
И Сына, и Духа Святаго.
Без них существует он ночью и днём,
Без них он карает мечом и огнём,
Без них охраняет наш карточный дом
Его неизвестное имя... [Там же].*

Среди других христианских образов, используемых А. Городницким, следует назвать образы Богородицы-девы (“Соловки” (1972)), Лота (“Беженцы-листья” (1993), “На седьмом десятке лет” (1995), “Набатая” (1996)), Моисея (“Земля моя” (2008), “Монолог Моисея” (1991)), Ноя (“Земля моя” (2008)), Содомы (“Песня о Клеобуле” (2001)), Сатаны (“Безвластие” (1990)), иконы (“Корпово” (2001)), туринской плащаницы (“Безвластие” (1990)) и др. В зрелом периоде творчества библейские образы и мотивы становятся в поэзии А. Городницкого регулярными.

В одном из интервью поэт так охарактеризовал собственный духовный путь: “От неверия к вере, к Богу. Это жизнь наша” [8]. Этот путь в полной мере отразился и в творчестве поэта, которое шло от использования отдельных элементов христианского дискурса, конфессиональной лексики, упоминаний Бога и т.п. к реализации библейских мотивов.

Наиболее часто используется А. Городницким мотив исхода. Это связано с тем, что в период перестройки и особенно в 90-е годы большое количество евреев бывшего СССР выехали на постоянное место жительства в страны дальнего зарубежья и, в первую очередь, “на историческую родину” – в Израиль.

*Алия моя, алия,
Час решительный настает.
Круто вьётся тропа твоя,
Начиная второй исход (“Алия” (1990) [4,*

с. 223]. Поэт использует в данном тексте ветхозаветный образ соляного столпа:

*Не оглядывайся назад
Над заоблачной пеленой
Вниз, где тускло горит, как ад,*

*Шереметьевский порт ночной.
Обречён этот чёрный град.
Не дожждётся дружка Ассоль.
Не оглядывайся назад,*

А не то обратишься в соль [Там же].

Использование этого образа позволяет провести параллель между ветхозаветным городом Содомом, уничтоженным Господом за грехи его жителей, и Москвой, СССР, Россией в целом (не случайно здесь использовано слово *вниз*, семантика которого дополняется негативным компонентом, и сопоставление ночного аэропорта Шереметьево с адом). В то же время образ этот Городницким десакрализируется, переосмысливается: речь идет не об ослушании – нарушении Божьего повеления, а о решительном шаге, необходимость которого требует преодоления всех сомнений и сожалений, т.к. *Время думать не о себе, / Время – просто спасать детей* [Там же]. Эта мысль находит развитие в следующей строфе:

*О покинутом не стенай, –
Будут счастливы все олим, –
Восхождение на Синай –
Восхождение на Олимп [Там же].*

Здесь появляется ветхозаветный образ горы Синай, где Моисей получил от Бога скрижали с начертанными на них известными десятью заповедями, и мотив паломнического восхождения на нее. Библейский образ используется в качестве аллегории: обретение родины осмысливается как восхождение на Синай, приобщение к вечным истинам и духовным ценностям. Не случайно оно сопоставляется с символизирующим победу восхождением на Олимп.

Необходимо отметить, что здесь с мотивом исхода соединяется и взаимодействует мотив сожаления, также восходящий к библейскому тексту. Мотив этот, только намеченный в данном стихотворении, получит развитие в последующем творчестве поэта.

В стихотворениях подобной тематики А. Городницкий часто использует ивритизмы. Так, слово *алия* обычно понимается как “репатриация евреев в Израиль”, *олим* – “приехавший вновь в Израиль, израильский репатриант”.

Особый интерес представляет стихотворение “Экзодус” (1995), само название которого восходит к Библии и означает “исход”. Только теперь речь идет об исходе евреев не из Египта, а из Европы:

*Вдаль плетется скорбная колонна,
Бормоча под нос себе молитвы.
Так когда-то шли из Вавилона,
А потом бежали из Египта.*

*Снова их сгоняет с места некто,
Кто испачкал пальцы в этом тесте... [6].* Мотив нового исхода связывается А. Го-

